

употреблялся; его только здѣсь выдѣлывали и затѣмъ отправляли на городскіе базары, въ Украину, для шорныхъ издѣлій и для подметокъ къ сапогамъ высшихъ сортовъ.

Такой же порядокъ существовалъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ кожевенно-сапожного района—въ Миропольи, Борисовкѣ, Томаровкѣ, Велікой Михайловкѣ etc. Всѣ подрядчики—торговцы жили постоянно на мѣстахъ производства и принадлежали частью къ мѣстному же, приписному крестьянскому населенію, частью—къ купеческому, или мѣщанскому сословію. Изъ числа такихъ крупныхъ домохозяевъ многіе еще за долго до освобожденія откупались отъ своихъ господъ на волю и приписались сами въ купечество (къ г. Новому-Осколу, Ейску, Курску etc.), чтобы не чувствовать никакого стѣсненія въ своихъ коммерческихъ оборотахъ. Всѣхъ крупныхъ торговцов—подрядчиковъ, занимавшихся кожевенно-сапожнымъ дѣломъ, до половины 60-хъ годовъ, въ описываемомъ нами районѣ было до 40 человекъ. Они—то и были душою и главными воротилами всего производства.

Судя по сохранившемуся описанію внѣшняго быта Ольшанскихъ промышленниковъ, можно думать, что, не смотря на крупную, капиталистическую организацію производства, кожевники-сапожники жили въ то время гораздо лучше, чѣмъ теперь. Ихъ экономическое положеніе въ концѣ 50-хъ годовъ описывается очевидцемъ самыми радужными красками. „Ольшанскіе крестьяне, говоритъ г. Л—й, живутъ, видимо, лучше сосѣдовъ землепашцевъ, которыхъ труды въ здѣшнихъ мѣстахъ не всегда достойно вознаграждаются. Ольшанцы всегда имѣютъ въ рукахъ свободную копейку, а съ нею для нихъ свободно доступно не только необходимое, но полезное и пріятное въ жизни. Чтобы удостовѣриться въ *счастливой* (даже счастливой!...) судьбѣ Ольшанцевъ, стоитъ только спросить у любого сосѣда землепашца объ этомъ, и онъ не задумавшись скажетъ: Ольшанка—это городъ, а Ольшанцы—это мѣщане, это купцы“... Въ заключеніе почтенный изслѣдователь высказываетъ надежду, что производство кожевенно-сапожное разо-

вится еще болѣе, и производители „будутъ имѣть отъ него средства къ жизни не только безнуждной, но и довольной, благоденственной“. Къ сожалѣнію, надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Ни Ольшанцы, ни Велико-Михайловцы не только не достигли жизни „довольной и благоденственной“, но потеряли въ концѣ концовъ, и прежнюю „безнуждную“. Такой переворотъ въ производствѣ начался, собственно говоря, съ того момента, когда рухнуло крѣпостное право, и малоземеліе, въ связи съ разширившимися потребностями и въ нѣсколько разъ возросшимъ бременемъ податей, вызвало широкое развитіе среди крестьянства мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ. Съ этихъ поръ на дальнемъ югѣ, гдѣ прежде находили хлѣбъ разнообразныя промышленники сѣверныхъ и центральныхъ губерній, стали появляться свои промышленники, стремившіеся удовлетворить потребностямъ мѣстнаго рынка. Появились, между прочимъ, по тамошнимъ деревнямъ и свои сапожники-ремесленники, которые съ самаго же начала стали мало по малу вытѣснять съ мѣстныхъ рынковъ нашихъ сапожниковъ, пользовавшихся до тѣхъ поръ исключительной монополіей на всемъ югѣ Россіи. Это было первымъ ударомъ Воронежскому и Курскому кожевенно-сапожному производству. Указанный переворотъ окончательно совершился, когда въ концѣ 60-хъ годовъ прошла здѣсь желѣзная дорога, соединившая далекія и мало-культурныя черномыренныя окраины съ главнымъ центромъ русской промышленности—Москвою. Вмѣстѣ съ разными ситцами, сукнами, кушаками и др. издѣліями Московскихъ и Владимірскихъ мануфактуръ, желѣзная дорога примчала въ степныя окраинныя губерніи и кимрскій и московскій сапогъ, который, по своей добротности и дешевизнѣ, сразу занялъ видное мѣсто на всѣхъ южныхъ рынкахъ и сдѣлался опаснымъ конкурентомъ воронежскаго и курскаго сапога, такъ какъ этотъ послѣдній могъ съ нимъ равняться развѣ только по выдѣлкѣ кожи и по хорошей кройки сапога, но ужъ никакъ не по шитью, которое, по своей легендарной непрочности, давно обратилось въ пословицу. Благодаря этой конкуренціи, издѣлія на-